

Из истории изучения традиционной культуры терских казаков: Владимир Васильевич Кикоть

Олег Владимирович Матвеев

(Кубанский государственный университет: Российская Федерация, 350040,
г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149)

***Аннотация.** Статья посвящена забытому ныне краеведу и собирателю Владимиру Васильевичу Кикотю, осуществлявшему сбор фольклорно-этнографического материала в Терской области по специальной программе Кавказского учебного округа. Записи В.В. Кикотя и его практика изучения традиционной культуры терских казаков крайне востребованы сегодня, когда многие аспекты духовного наследия терского казачества оказались утраченными в ходе социальных потрясений и этнополитических конфликтов, драматических потерь русского населения Северного Кавказа в XX в. Материалы, собранные учителем и опубликованные в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», носят во многом любительский, описательный характер; автор не задумывается над смыслом упоминаемых явлений народной культуры, смотрит порой на них с позиции интеллигентного учителя как на «суеверия», «предрассудки», «пережитки», «невежество». Однако его сведения позволяют сегодня проследить динамику развития традиционной культуры русского старожильческого населения на Тереке, уточнить географию распространения ее элементов, степень вовлеченности в контактную зону русско-кавказского культурного пограничья.*

***Ключевые слова:** традиционная культура, собирательство, фольклор и этнография, Терская область, казачество, взаимоотношения с чеченцами.*

***Дата поступления статьи:** 5 марта 2020 г.*

***Дата публикации:** 25 сентября 2021 г.*

***Для цитирования:** Матвеев О. В. Из истории изучения традиционной культуры терских казаков: Владимир Васильевич Кикоть // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 3. С. 149–160.*

***DOI:** <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.3.012>*

При создании программ по изучению традиционной культуры сегодня нередко упускается из виду практика дореволюционной школы, где познание окружающего мира гармонично вплеталось в учебный процесс. В конце XIX — начале XX в. немалый опыт в этом отношении был накоплен преподавателями училищ Кавказского учебного округа, которые вместе со своими учениками собрали

немало уникальных сведений о материальной, духовной и соционормативной культуре казаков, карачаевцев, адыгов, грузин, осетин и других этнических и сословных групп региона. В числе этих незаслуженно забытых сегодня педагогов и краеведов достойное место занимает Владимир Васильевич Кикоть — автор нескольких работ по фольклору и этнографии терских станиц.

В научно-методическом инструментарии дореволюционных собирателей выделяются методы заочного интервьюирования по специальным программам, беседы и наблюдения в ходе краткосрочных или длительных экспедиций. При этом выгодно отличалась работа сельских учителей, которые «имели возможность ежедневно наблюдать жизнь народа, беседовать со старожилами, уточнять интересующие их сведения» [Бондарь 1991, 120]. Еще в 1881 г. Управление Кавказского учебного округа поставило задачу поддержания «...духовной деятельности начальных учителей, этих полезных, но большей частью молодых и неопытных в жизни тружеников, обязанных иногда многие годы оставаться в среде сельских обществ» [От Управления КУО 1881, I]. Управление округа обращало внимание на «всевозможно-всестороннее изучение ими тех местностей, в которых они живут и где сосредоточена их деятельность. Это изучение, составляя серьезное и весьма полезное занятие, без всякого сомнения, возбудит во многих из них интерес к наблюдению природы и, имея значение умственно освежающего труда, окажет благотворное влияние и на педагогическую их деятельность, в тесном смысле» [Там же, III].

Учителям предлагалась специальная «Программа собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оныя». Она предполагала привлечение учеников к собиранию статистико-этнографических сведений «...с целью возбуждения в них правильной наблюдательности и образования сознательного взгляда на явления, их окружающие» [Там же, V]. Методическая часть сопровождалась разъяснениями по руководству собирательской работой («разъяснении способов собирания статистических сведений по этнографии, школоведению, торговле и пр.; в приучении их к производству метеорологических и естественно-исторических наблюдений с надлежащими вычислениями, в составлении планов, рисунков и пр.») [Там же, V]. Приводились обширный список литературы по кавказоведению и, наконец, сама программа. Она включала вопросы, в том числе этнографического характера: топонимия селения («происхождение такого названия или по местным особенностям, или по племени, или на основании исторических фактов, или же на основании преданий»), жилище

(«Жилые дома и храмы в архитектурном отношении. Распределение и назначение внутренних помещений. Материал, из которого они преимущественно строятся, и способы постройки»), традиционные занятия, сведения о сословном, национальном, конфессиональном составе населения, соционормативной культуре («Авторитет отца семейства. Положение женщины»).

Отдельные пункты программы были посвящены языковым особенностям: «Язык домашний и язык, употребляемый при взаимных сношениях с другими народностями. Сродство языка, господствующего в местности, с другими языками. Есть ли этот язык родной жителей, или он усвоен ими при переселении в обитаемую ими теперь местность». Программа включала также сбор сведений по фольклору: «Предания, легенды, сказки и песни историческая, бытовые и пр. Песни хоровые и и одноголосные. Мифология. Пословицы. Поговорки».

Специально предусматривались разделы о верованиях: «Суеверия и предрассудки. Нет ли в числе обрядов, суеверных предрассудков, предания и легенд, таких, которые бы указали на древний культ, языческий или христианский». Кроме того, были включены вопросы о религиях и сектах, традиционной кухне, одежде, обрядах жизненного цикла, традиционных формах досуга, народному воспитанию [Программа собирания 1881, VIII–XXIV].

Во 2-м выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» Управление округом опубликовало еще одну программу, разработанную известным сибирским путешественником и этнографом Г.Н. Потаниным, «для изучения поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов».

Учительские работы, выполненные по этим программам, предлагалось отправлять в редакцию «Сборника материалов для написания местностей и племен Кавказа». Преподаватели сельских училищ весьма сочувственно отнеслись к этому призыву, в том числе педагоги Терской области. В числе учителей, ярко проявивших себя на ниве школьного этнографического краеведения, Владимир Васильевич Кикоть представлен весьма заметно.

В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия — Алания сохранился послужной список В.В. Кикотя,

составленный 20 мая 1909 г. В нем указано, что губернский секретарь, заведующий Архонским двухклассным станичным училищем Владимир Васильевич Кикоть имеет от роду 41 год [ЦГА РСО-А. 60б.]. Следовательно, он родился в 1867 или 1868 г. О его происхождении есть лишь короткая запись: «Сын хорунжего». Фамилия Кикоть — украинского происхождения, происходит, вероятно, от украинского слова «кіготь» — «коготь». Подобное прозвище мог получить казак с тяжелым, задиристым характером. В то же время в старославянском *кикоть* — часть руки от кулака до локтя, поэтому такое прозвание могло означать «сильная, твердая рука» и принадлежать человеку, который привык доказывать свою правоту не словом, а делом. Как бы то ни было, больше всего представителей фамилии Кикоть обнаруживается в терской станице Архонской. Из работы терского историка Ф. С. Киреева «Украинские корни казаков Архонки», который, в свою очередь, опирается на архивные разыскания в Киеве исследователя А. Дзаглова по составу малороссийских казачьих полков, следует, что представители фамилии Кикоть переселились на Кавказскую линию из с. Матяшевки Кобеляцкого уезда Полтавской губернии и были среди первых поселенцев станицы Архонской [Киреев 2018]. Обратившись лично на консультацию к Феликсу Сергеевичу Кирееву, на сегодня наиболее крупному глубокому знатоку семейной истории терских станиц, я получил от него следующие сведения как об отце Владимира Васильевича, так и о нем самом, его семье, за что, пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность. В присланных Ф. С. Киреевым материалах отмечается, что отец учителя «...Василий Семёнович Кикоть родился примерно в 1827 г. В составе Малороссийского казачьего полка прибыл на Кавказ и был в числе первых поселенцев станицы Архонской. Служил во Владикавказском казачьем полку. За отличия в Кавказской войне награжден знаком отличия военного ордена 4-й и 3-й ст. (1858 и?). Произведен в хорунжи. Когда станичных атаманов стали избирать, стал первым атаманом станицы Архонской (1870–1873). Скончался 11 января 1904 г. У Василия Семеновича было 6 сыновей 3 дочери. Сыновья: Семен, Ефим, Григорий, Владимир, Захар, Михаил, дочери Татьяна, Александра, Ефросинья» [ЛАА 2019].

Кроме того, Ф. С. Киреев сообщил: согласно списку жителей станицы Архонской за 1921 г., В. В. Кикотю 55 лет, следовательно, он родился в 1866 г. Поскольку этот список не датирован точно, мог быть составлен и в начале, и в середине, и в конце года, а послужной формуляр 1909 г. составлен все же с обозначением даты, родился Владимир Васильевич, очевидно, в 1867 г. [Там же].

Несмотря на большую семью, хорунжий В. С. Кикоть был человеком, по-видимому, состоятельным, сумел дать своим детям образование и обеспечил их материально. Об этом говорит, например, такой факт: Владимир Васильевич сумел приобрести в станице Умахан-Юртовской участок земли, из которого 600 кв. сажень в 1892 г. безвозмездно пожертвовал местной школе. На скромное учительское жалование землю не купишь. К тому же Владимир Васильевич сумел поступить в престижную тогда Кубанскую учительскую семинарию, которая находилась в другом, соседнем войске. Семинария была сословным учреждением и готовила кадры учителей прежде всего для станичных школ Кубанской области [Манузин 2007, 66]. Директор семинарии, известный русский педагог Д. Д. Семенов, привлек к преподаванию в семинарии опытных передовых учителей. Большое внимание уделялось физическому, эстетическому и трудовому воспитанию учащихся: при семинарии работали женские педагогические курсы, вечерняя школа для взрослых, образцовая начальная школа, преобразованная из станичной [Очерки истории Кубани 1996, 561]. Посетивший учебное заведение в 1875 г. А. Л. Зиссерман, бывший офицер-кавказец, известный писатель и военный историк, отмечал: «Я попросил позволения посетить учительскую семинарию, и благодаря любезности директора ее Д. Д. Семенова мне было показано все заведение. Я обошел все помещение, посетил классы во время уроков, был в саду в рекреационное время, видел скромные физический и зоологическо-минеральный кабинеты, слушал хоровое пение семинаристов и, откровенно признаюсь, был просто озадачен! Такого благоустройства, такого порядка, такого очевидно рационально-ведомого дела, наконец, таких блестящих результатов в относительно короткое время (семинария основана всего с 1871 года),

я и представить не мог. <...> Общий отзыв о ней и ее руководителях, с кем мне не приходилось говорить, даже между людьми менее способными сочувствовать таким учреждениям, сводится к похвалам и одобрению. При семинарии существует образцовая школа для упражнений будущих учителей и в особом помещении нормальное женское училище с педагогическими курсами» [Зиссерман 1875, 475–476].

В 1886 г. В. В. Кикоть успешно окончил это учебное заведение. Распоряжением директора народных училищ Терской области он был назначен учителем Умахан-Юртовского станичного училища с 6 октября 1886 г. [ЦГА РСО-А. 6 об.]. Эта станица была расположена в междуречье Сунжи и Белки, в долине между горой Кончалык и северо-западной оконечностью Надтеречного хребта. Школу, в которой ему пришлось трудиться, В. В. Кикоть позже описал следующим образом: «В станице Умахан-Юртовской находится одно станичное училище с трехгодичным курсом. <...> В 1886 году обучалось 29 детей, из которых было 24 мальчика и 5 девочек <...>. Несмотря на порядочное количество населения станицы Умахан-Юртовской (<...> в 1886 г. — 1640 душ <...>), учеников сравнительно мало. Причиной этому служит то, что большинство населения — старообрядцы, которые, как известно, пренебрегают православными и не отдают обучать своих детей в станичную школу, считая преподавание в ней еретическим. Они имеют свои школы, где исключительно обучают славянскому чтению по старопечатным книгам» [Описание ст. Умахан-Юртовской 1893, 77–78].

Школа в Умахан-Юртовской была открыта еще в 1872 г., но имела неприглядный вид: «В классе освещение с правой стороны, что вредно ученикам; двор очень мал; квартира учителя состоит из одной комнаты, длину в 3½ арш., шириною — 3 арш. Столы очень неудобны, неустойчивы, простой топорной работы; скамьи такие же и сделаны не по росту учеников. Классная доска — одна для трех отделений, и та очень мала. Пособий для наглядного обучения почти не имеется: есть одни простые счеты» [Там же, 78]. Но самым обидным для молодого учителя было то, что его ученики плохо посещали школу. «Большинство учащихся, — писал В. В. Кикоть, — бывает в училище только два года;

редкость, если из 30 учеников будут постоянно учиться 5 мальчиков; остальные все разбираются родителями для подмоги в хозяйстве. Окончивших курс за последние три года было только 5 человек» [Там же, 78]. К тому же «...жители смотрят на школу, как на учреждение обязательное, но мало понимают необходимость обучения. Старообрядцы <...> не желают отдавать своих детей в школу, выставляя причину, будто-бы в школе учат ереси. Православные, хотя сознают пользу школы и отдают своих детей, но по бедности часто берут их из школы до окончания курса, как подрастающих работников» [Там же, 78].

Тем не менее Владимир Васильевич, сам с детства познавший нелегкий труд хлебороба, по-видимому, неплохо освоился в станице. Он беседует с родителями своих учеников об их нуждах, наблюдает быт и повседневную жизнь станичников, внимает рассказам о нападениях горцев и обустройстве первопоселенцев, прислушивается к печальным протяжным песням, звенящим по вечерам над Умахан-Юртовской.

Владимир Васильевич весьма сочувственно относился к работам своих коллег, публиковавшихся в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК). Он стал постепенно фиксировать на бумаге всё, что наблюдал в повседневной жизни станичников. В 1889 г. в 8-м выпуске СМОМПК, который был посвящен народным промыслам, появилась первая небольшая работа В. В. Кикотя «Умахан-Юртовская станица». В своей статье он сообщал, что в станице проживают 1640 человек, из них 825 мужчин и 815 женщин, все по национальности русские. Учитель отметил, что станичники занимаются главным образом виноделием: из 260 домовладельцев 200 были заняты садоводством и виноградарством. «Началось разведение садов и добывание вина с 1860 г., когда станица стала заселяться, — писал В. В. Кикоть, — некоторые имеют по 2–3 сада, другие, менее состоятельные, — по одному саду: всего виноградных садов 265. Средним числом каждый сад имеет в длину 75 сажень, а в ширину — 40 сажень; следовательно, площадь, занимаемая виноградными садами — с лишком в 331 дес. При обработке садов и выделке вина участвуют и дети: число работающих достигает 850 чел. Наемщикам, обыкновенно,

из жителей своей же станицы платят по 35–40 коп. в день» [Умахан-Юртовская станица 1889, 90]. Правда, отмечал автор, в станице делают «вино, чихирь, плохого качества, а потому и сбыт его мал: сбывается оно в Грозном, Владикавказе, большей же частью — в станицах: Михайловской, Слепцовской, Петропавловской, Грозненской, Сунженской, где отдают его, главным образом, за хлеб, частью — за деньги. Меняют вино на хлеб потому, что земля, принадлежащая Умахан-Юртовской станице, мало плодородна и недостает рабочего скота».

Однако Владимир Васильевич с тщательностью бытоописателя рассказал о местном способе приготовления вина и практике его продажи. «Виноград, помещенный в холщовые мешки, давят ногами в корытах (1–2 саж. в длину), — отметил автор. — Чапру из мешков потом кладут в бочки с виноградным соком; брожение вина продолжается 8–14 дней. Очищенное от чапры вино сливают в другие бочки, где ему дают отстояться, не более 2 дней, и затем пускают в употребление. Чапру стараются беречь, пока не явится закупщик, и продают ее по 3 к. с ведра, на выделку из нее спирта. Каждый винодел получает от продажи вина до 80–100 р.; общий доход в год до 13–15 тыс. рублей. Наименьшее количество добываемого одним хозяином вина — три бочки. Вино не все сбывают, а порядочное его количество употребляют для себя. Деревянная посуда для вина закупается в Грозном или в Кизляре. Улучшения в садоводстве незаметно: каждый хозяин хлопочет только о том, как бы побольше посадить виноградных кустов, не заботясь совершенно о качестве лозы» [Там же].

Отмечая религиозные особенности местного населения, автор статьи не скрывает темных сторон его досуговой жизни: «Жители станицы православные и раскольники (староверы, беспоповцы, поморы): каждый из них идет в гости пить вино со своей посудиною, пренебрегая посудиною другого; но, в состоянии опьянения, забывают религиозную рознь» [Там же, 90–91]. Правда, тут же сообщается, что умahanюртовцы особой «склонности к горячим напиткам не имеют».

Отметил Владимир Васильевич и такой промысел, как выжигание станичниками в зимние месяцы угля, который

они продавали в Кизляре, Хасав-Юрте, Петровске и Грозном. При этом автор указывает, что «жители, к сожалению, хищнически обращаются с лесом. Чрез что, в недалеком будущем, останутся без леса» [Там же, 91].

Выход в свет первого сочинения вдохновил В.В. Кикотя на продолжение собирательской работы. Записями фольклорных текстов он занимается не только в Умахан-Юртовской, но и в родной станице Архонской, куда приезжает к родителям в отпуск. Записанные материалы учитель отправляет в редакцию СМОМПК. Он все более глубоко вникает в жизнь умahanюртовцев, стремится помочь им в деле народного просвещения. Распоряжением попечителя Кавказского учебного округа № 4241 от 2 мая 1892 г. В.В. Кикотю была «объявлена благодарность за пожертвованный участок земли под училищный сад в 600 кв. саж.» [ЦГА РСО-А. 60б.].

В 1893 г. вышел в свет 15-й выпуск сборника, где были напечатаны целых три работы Владимира Васильевича, в том числе «Песни, поющиеся в ст. Архонской, Владикавказского округа». Опубликованные тексты 16 архонских песен разделены собирателем на две части — любовные и бытовые, но граница между ними, судя по содержанию, весьма условна. В песнях рассказывается о переживаниях молодых людей, испытавших большое личное чувство: «Уж, ты, заря, ты вечерняя», «Ой ты, соньчко, куда котышься?», «Ой у полы крыныченька», «За ричкою пастушок», «По горах, по долинах», «Тыче ричка не-вельчкa», «Ой, давно, давно дывчин(онь)ка» и др. Некоторые тексты даны на диалекте малороссийских переселенцев в Архонскую и представляют собой диалог молодого казака и девушки у колодца: «Прыйидь, прыйидь, козаченько, / Ты до мене в гости! Есть у мене дви свитлыци, третя на помости, / Есть у мене батько й маты — будут шановаты, / А я буду молодая, Всю правду казаты». На просьбу казака подождать до осени дивчина отвечает: «Ой, тснї та улонькы, / Горобцю литаты, / Невигодно краснїй дивци / До осени ждаты: / Як найдеться отецькый сын, / Отдасть мене маты» [Песни ст. Архонской 1893, 305]. Особенный интерес представляет сиротская песня, увязанная со станицей Архонской: «Ой загуду, загуду — / В Архоночки не буду: / А в Архонкы ворогы, /

Кругом хаты обляглы, / Кругом хаты и сины, / Вороженьки обсины. / Розступиться, ворогы, / Пропустите дороги!» [Песни ст. Архонской 1893, 313–314].

Оценивая записи терских собирателей, известный фольклорист В. Ф. Миллер писал в рецензии на этот выпуск СМОМПК, что опубликованные тексты «...представляют интересный материал для наблюдения взаимного влияния великорусского и малорусского песнетворчества» [Миллер 1894, 193].

Распоряжением попечителя Кавказского учебного округа от 2 июня 1893 г. за № 4383 В. В. Кикотю была «объявлена благодарность за труды по собиранию песен, поющих в ст. Архонской, напечатанных в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа»» [ЦГА РСО-А. боб.].

В том же выпуске были напечатаны «Песни, поющиеся в ст. Умахан-Юртовской, Грозненского округа». Умахан-юртовские тексты В. В. Кикоть разделил на любовные и бытовые, а вторую группу еще и на семейно-бытовые, военно-бытовые, шуточные, былевые и исторические. Зафиксированные южнорусские тексты часто используют украинскую лексику: «Ой, как в лесе под дубком, / Стоит девка с казакком, / Ветер дуба качает — / Парень девку *пытает*. / “Не *пытай* ты меня: / Не *кохал* ты меня; / А *кохал* меня батюшка, да *кохала* меня матушка. / Ты не поп, ты не дьяк, / Не целуй меня так; / Поцелует меня так / Умахан-Юртовский казак”» [Песни ст. Умахан-Юртовской 1893, 315–316]. Взаимопроникновение южнорусской и украинской культур в песенном репертуаре станицы представлено и в текстах с извечным мотивом о несчастной девичьей доле, необходимостью выходить замуж за нелюбимого: «“Подвылся, доню, яка я стара — / Мени в *дубовину* лягаты пора. / Як очи заплющу, що буде с тобою? / Останешся ты весь век сиротою”. / — “Ой, мамо, мамо, не плачь, не рыдай, / Бери рушнычки, женихам давай. / Нехай я одна все горе (по)трачу — / Ты будешь весела, я тришки поплачу”. / Ой там, край дорози, крест Божій стоить / Там пизно и рано мамуся крычыть: / — “Ой, Боже мій, Боже, шо я наробыла! / Дочку свою ридну навикы згубыла”» [Там же, 318].

С точки зрения народных исторических представлений терских казаков, интерес вызывают зафиксированные В. В. Кикотем

песни об Игнате Некрасове («Кто бы, кто бы, братцы, это знал»), Иване Грозном («Грозен царь был Иван Васильевич»), бригадире Краснощекове («Краснощок у Прутского короля загулял»), о Русско-турецких войнах («Уж вы, горы, мои горы Турецкие», «Веселитесь, ребята»). Записанная собирателем песня об Иване Грозном представляет редкий вариант текста о сражении под Серпуховом в 1572 г., причем народная интерпретация событий отводит главную роль в разгроме татар не М. И. Воротыньскому, а царю: «Грозен царь был Иван Васильевич, / Он сидел сидьма ровно тридцать лет; / Накопил он силы сорок тысячечей, / Накопивши силушку, в поход пошел; / Он вёл силу свою не дорогою, / Всё темным лесом, братцы, черной грязью, / Подводил он силу к Кадарге-реке» [Там же, 331].

В том же издании В. В. Кикоть опубликовал «Сказки, предрассудки, поговорки и загадки, записанные в станице Умахан-Юртовской». Собиратель поместил четыре сказки, которые представляют основные жанры этого вида народной прозы: волшебные, сказки о животных, социально-бытовые. Так, сказка «Сын вдовы» представляет собой вариант известной русской сказки о волшебном кольце, которое оказывается у бедного сына вдовы в благодарности за спасение старой собаки, кошки и змеи. С помощью кольца вдовый сын, которому преданно служат благодарные животные, выбирается из бедности, спасается от виселицы, и «чего только хотел, все получал» [Сказки ст. Умахан-Юртовской 1893, 184]. Сказка «Мужик и разбойники» показывает превосходство простого крестьянина-труженика над ловкими ворами. В результате разбойники не смогли на спор выкрасть свинью у мужика и выплачивают ему проигранные сто рублей.

В записанном В. В. Кикотем тексте «Жена-спорщица» представлен вариант известного сюжета русских народных сказок о глупой и упрямой жене. Старик находит клад, но, зная болтливость своей жены и ее привычку жаловаться на него помещику, заставляет ее поверить в то, что на дереве растут бублики, в вентерь попадает заяц, на полянке в силки — рыба, а по ночам «барина черти дерут». Когда же после жалобы жены на старика помещик требует от того сокровища клада, хитроумный мужик отвечает: «— Помилуйте,

барин, моя жена настоящая дура, разве ей можно верить?

— Да, дура, — говорит старуха, — ты скажешь и то — неправда, что, когда мы с тобой шли в лес выкапывать деньги, наши бублики на кустах, там росли? Или то — неправда, что в вентере нашли зайца? Или то, что на лугу в пружке нашли рыбу? — Тут старуха еще вспомнила крик, который она слышала, когда со стариком шла из лесу мимо двора помещика, вспомнила, что ей тогда сказал старик, и сказала: “Когда мы в лесу деньги брали, то в это время вас, барин, черти драли”. Рассердился барин на старуху, счел ее положительною дурую и приказал всыпать ей горячих» [Сказки ст. Умахан-Юртовской 1893, 188–189].

Зафиксированный собирателем текст «Лиса и волк» также близок к мотивам русских сказок о животных, связанным с наказанием глупого и жадного зверя. Изворотливая лиса одурачила его, заполучив оставленного охотниками для приманки гуся, а волк угодил в *калеву* — звероловную петлю, привязанную к упругой ветке, которая подвесила хищника над землей.

Интересно представлены в публикации поверья умаханюртовцев, названные собирателем, согласно убеждениям этнографов XIX в., «предрассудками». Они отражают иррациональные знания, толкование снов, народные представления об окружающем мире: «Увидеть во сне холст — скоро отъезжать в дорогу», «Кто чихнет, того непременно кто-либо будет угощать или тому предстоит счастливая дорога», «Чешется левая бровь — ругают, правая — хвалят», «Услышишь во сне голос, который назовет тебя по имени, — будешь удален от должности», «Вставая утром с постели, не становись на пол левой ногой: целый день будет неудача», «Выпадет во сне зуб — умрет дитя», «Увидишь во сне, что оторвется подошва сапога, умрет муж (жена)» и др. [Там же, 189–190].

В. В. Кикоть представил яркие образцы фольклора малых жанров станицы. Народную мудрость иллюстрируют пословицы и поговорки: «Зубов не точи на чужие калачи», «Кто пашенку орет — всегда песенки поет, кто торгует — тот всегда горюет», «Не мало бабе хлопит, та купыла порося», «Плакала, что денег нет, деньги нашла — счастье потеряла», «Плакала кукушка, что детей отдала в люди», «Часом — с квасом, порою — с водою»,

«Снаружи ягодка красива, да внутри слишком кисла» и др. [Там же, 190–191].

Интересны опубликованные собирателем загадки: «Маленький Абрам через гору свиной гнал» (Абрам — гребешок, гора — голова, свиной — вши), «Крикнула утка — за морем чутка, сбегались детки — не одной матки» (утка — церковный колокол, детки — люди), «Вот тень-потетень, выше города плетень» (церковь), «Прыйшла темнота под наши ворота, пытае лепету, чи дома понура» (темнота — волк, лепета — собака, понура — свинья), «Еду, еду — следу нету; рублю, рублю — щепок нету» (человек с веслами на руках плывет на каюке), «Летела тетеря, не ныне, не теперя, упала в лебеду, и по ноне не найду» (пуля) и др. [Там же, 191–192]. Зафиксированные станичным учителем пословицы и поговорки воплощают в себе картину мира терских казаков, коллективное мышление, отражают народные ожидания, оценки человеческих пороков, уважение к производительному труду и недоверие к непроизводительному, направленному на скорую и нечестную наживу. Загадки развивали ум, смекалку, воображение, наблюдательность у подрастающих казачат, формировали систему ценностей средством кратких, метких, емких крылатых выражений. Фольклорно-этнографические записи В. В. Кикотя крайне востребованы сегодня, когда многие аспекты духовного наследия терского казачества оказались утраченными в ходе социальных потрясений и этнополитических конфликтов, драматических потерь русского населения Северного Кавказа в XX в.

Во второй половине 1893 г. выходит в свет 16-й выпуск СМОМПК, где была напечатана большая работа В. В. Кикотя «Описание станицы Умахан-Юртовской, Терской области Кизлярского отдела», выполненная по Программе Управления Кавказского учебного округа. Поэтому автор довольно подробно описал водоемы, местный климат, минеральные источники, растительный и животный мир окрестностей станицы.

Рассказывая об истории станицы, Владимир Васильевич с уважением отнесся к предшественникам казаков в этих местах, не забыл отметить факты достаничного прошлого местности: «До Кавказской войны на этом месте был расположен небольшой аул, по-чеченски “юрт”. Между жителями этого юрта был один влиятельный

и уважаемый всеми богатый чеченец из древнего рода — Умахан; по имени его и назвался юрт. После начала войны жители юрта ушли в другие чеченские аулы. Чтобы обезопасить границу завоеванной местности и прекратить набеги чеченцев, в 1860 г. последовало распоряжение заселить эту местность. Были вызваны охотники из терских казаков, а также и солдат из войск, служивших на Кавказе. Охотников явилось достаточное количество, и новая станица, по имени бывшего здесь аула, была названа Умахан-Юртом» [Описание ст. Умахан-Юртовской 1893, 68].

Характеризуя население станицы, В. В. Кикоть обращает внимание на антропологические данные, этнический и профессиональный состав: «Так как население станицы состоит из малороссов и великороссов, то форма и цвет лица у них различны: у малороссов лицо бывает круглое, смуглого цвета, а у великороссов лицо белое и имеет форму продолговатую. Форма глаз как у тех, так и у других одинакова: небольшие, круглые. У малороссов глаза по большей части серые, а у великороссов голубые и карие. Лоб прямой и небольших размеров. Нос прямой, умеренный, переносье возвышенное и утонченное; уши средней величины, белого цвета. Руки и ноги по величине небольшие и полные. Грудная клетка и голосовые органы развиты вполне удовлетворительно: голос довольно сильный. Зрение не особенно сильно. Волосы большей частью гладкие и темнорусые, иногда рыжие. По темпераменту жителей можно разделить на две группы: малороссы по большей части сангвиники, а великороссы холерики. Все жители ходят тихо, переваливаясь; выражение лица озабоченное. Характер народа тихий, но вместе с тем воинственный» [Там же, 79–80].

В религиозном отношении В. В. Кикоть выделил приверженцев официального православия и старообрядцев, причем отметил, что «православные — народ очень тихий, почтительный, отличаются кротостью и уважением к личности человека. Старообрядцы — фанатики, самолюбивы; православных они не любят, считая себя правыми, а православных еретиками» [Там же, 80]. Здесь учитель явно находится в плену предубеждений, по-видимому, старообрядческая культура так и осталась для него закрытой. Указав на «вражду между сектами», В. В. Кикоть тем не менее констатирует:

«в общем народ честный». Отмечены в работе и народные верования: жители станицы «...сильно верят в колдовство. Между ними, по их собственному уверению, есть несколько таких личностей, которые могут портить людей, заставляя их при совершении литургии лаять или подражать зверям. Верят также в существование ведьм. Колдун держит в своей власти всех ведьм <...>. Одно прикосновение руки колдуна к руке (плечу) какой-нибудь женщины так сильно действует, что женщина в этот же момент падает на землю с пеной у рта, рвет на себе платье и кричит “дурным” голосом» [Там же, 80–81].

Интересные наблюдения зафиксированы собирателем относительно языковой ситуации в станице. Отметив, что «православные говорят смешанным малороссийским наречием, а старообрядцы — великорусским», Владимир Васильевич отмечает и общую особенность, связанную с иноэтничным окружением: «Много есть говорящих на чеченском и кумыкском языках» [Там же, 80]. Таким образом, умаханюртовцы вполне адаптировались в местной культурной среде, преодолевали языковые, а потому и культурные барьеры, были активно вовлечены в процесс взаимопознания и формирования единого этнокультурного пространства со своими земляками и соседями. Этот процесс автор отметил и на других примерах, связанных с культурным влиянием соседей. Так, в танцевальном искусстве умаханюртовцев наряду с казачком, *журавлём* и русской плясовой отмечена лезгинка. Дома в станице «...строятся на чеченский манер: длинные и разделены на три отделения: первое отделение, на улицу, назначено для спальни и приема гостей; второе отделение служит внутренним коридором, а третья кухня» [Там же, 69].

Жилые дома в Умахан-Юртовской возводились деревянными и турлучные, с камышовой, отчасти черепичной крышей. В отношении одежды В. В. Кикоть отметил, что «все жители казачьего сословия, а потому носят соответственное платье: черкеску, бешмет, шапку, кинжал, пояс, большие сапоги или чевяки с ноговицами. Женщины носят кофты, бешметы, юпки, платки и теплые шали» [Там же, 82].

Из ассортимента традиционной пищи собиратель упомянул «хлеб — ржаной и пшеничный, щи, пшенная каша, суп,

кисель, лапша, пироги с крупью, тыквою и мясом, баранина, бобы, горох, отваренная в воде кукуруза. Хлеб большей частью — ржаной; мясо употребляется редко. <...> Из напитков употребляется водка и вино. Последнее пьется в большом количестве, потому что у каждого жителя есть свое собственное вино, приготовленное из своего же винограда» [Описание ст. Умахан-Юртовской 1893, 83].

В числе обрядов жизненного цикла В.В. Кикоть описал свадьбу, в которой выделяет сватовство, «пропой», «вечерушки», где «обыгрывают» жениха с невестой, венчание и первый день свадьбы. «В следующие 5 или 6 дней, — писал автор, — новые сватовья и сватьи с новобрачными ходят в гости к своим родственникам. Близкие родственники живут вместе, но часто не поладив между собою, отходят в свой дом, получив при этом известную часть имения» [Там же].

В описании календарных праздников и обрядов автор статьи основное внимание уделил Троице: «Девушки ходят с ветками, украшенными лентами и цветами; одна из девушек держит таз, и под звуки гармоники бьёт в него; при этом поются песни; девушки между собою кумятся, т.е. называют одна другую кумою. На третий день Троицы девушки с венками в руках идут на берег реки, и напевая песню: “Пльви, мой веночек, по быстрой реченьке”, бросают ветку в воду» [Там же].

Если в предыдущем описании промыслов станицы основным направлением хозяйственной деятельности станичников В.В. Кикоть называл виноградарство, то в более подробном описании 1893 г. указал, что «земледелие составляет главное занятие жителей», правда, отметил, что «хлеба бывают постоянно плохи, пополам с сорными травами».

Этнографическое обозрение станицы, представленное в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», носит во многом любительский, описательный характер; автор не задумывается над смыслом упоминаемых явлений народной культуры, смотрит порой на них с позиции интеллигентного учителя как на «суеверия», «предрассудки», «пережитки», «невежество». Однако его материалы позволяют сегодня проследить динамику развития традиционной культуры терских казаков, уточнить географию

распространения ее элементов, степень вовлеченности в контактную зону русско-кавказского культурного пограничья.

Труд В.В. Кикотя об Умахан-Юртовской крайне востребован и потому, что в конце 1917 г. станица исчезла с карты Северного Кавказа в ходе спровоцированного братоубийственной Гражданской войной горско-казачьего противостояния. В самом конце 1917 г. на Кахановскую (в 1894 г. Умахан-Юртовская была переименована в честь атамана Терского войска генерал-лейтенанта С.В. Каханова), в числе других подвергнувшихся разорению сунженских станиц, напали боевики, возглавляемые жителем аула Шали Эрбулатом. Сам предводитель нападавших погиб при нападении, но от станицы остался лишь выжженный пустырь. В докладной записке главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России А.И. Деникину войсковой атаман Терского казачьего войска Г.А. Вдовенко 12 октября 1919 г. отмечалось: «На рассвете 29 октября 1917 г. было произведено со стороны чеченцев организованное нападение на станицу Кахановскую — последний оплот русского народа. Кахановцы с малочисленным гарнизоном вели с чеченцами упорный бой с 4 часов утра до 3 часов вечера, не выдержали натиска и отступили за реку Терек в станицу Щедринскую. Станица Кахановская, которая погибла, была сожжена и разрушена до основания. <...> На месте этих станиц (Фельдмаршальской и Кахановской. — О.М.) порос бурьян, и место станиц превратилось в пустыри. Беженцы станиц Кахановской и Фельдмаршальской до сего времени проживают по разным местам войска, не имея приюта, и влчат жалкое существование. Восстановление этих станиц до настоящего времени невозможно...» [Вайнахи и имперская власть 2011, 378]. Впоследствии здесь появился поселок Кундухово (назван в честь Муссы Азаматовича Кундухова (1890–1931), революционного и государственного деятеля, видного большевика, наркома продовольствия Дагестанской АССР), который теперь почти слился с г. Гудермесом.

Сегодня, спустя столетие, бессмысленно предьявлять исторические счета, тем более что на этом месте до казачьей станицы располагалось чеченское селение Умахан-Юрт, упоминаемое в русских документах в 1832 г. [АКАК 1881, 693], а трагедия Гражданской войны стала для

этих мест не последней в XX в.: депортация 1944 г., кровавое противостояние 1990-х гг. пополнили список взаимных претензий. Жители новой, российской Чечни, восстанавливающие сегодня традиционное этнокультурное пространство, пытаются преодолеть предрешения и исторические обиды и по достоинству оценить вклад в общее духовное наследие всех своих земляков, в том числе станичников-умаханюртовцев. Поэтому работа скромного учителя, рассказывающая о традиционной культуре ст. Умахан-Юртовской, является уникальной, отражающей целую страницу лоскутной ткани драматического общего прошлого, способствует сохранению памяти о нем.

Бывая, по-видимому, по делам в г. Грозном, В.В. Кикоть встретил свою вторую половину. Ею оказалась дочь грозненского мещанина Мария Звягина. Брак оказался счастливым и долгим, супруга родила Владимиру Васильевичу сыновей Михаила (родился 18 октября 1897 г.), Александра (22 марта 1909 г.), Василия (22 декабря 1910 г.), дочерей Наталью (18 августа 1896 г.) и Раису (14 ноября 1906 г.) [ЦГА РСО-А. 7].

Распоряжением директора народных училищ Терской области от 21 июня 1897 г. Владимира Васильевича направили в ст. Петропавловскую, где он стал служить в местном двухклассном станичном училище вторым учителем [ЦГА РСО-А. 6об.]. По-видимому, его заслуги на педагогическом поприще были настолько зримы, что 25 октября 1899 г. он был назначен заведующим этого училища. 2 ноября 1899 г. ему был пожалован чин коллежского регистратора, а затем В.В. Кикоть «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству в день Св. Пасхи награжден за труды по народному образованию серебряной медалью с надписью “За усердие” для ношения на груди на Александровской ленте» [ЦГА РСО-А. 7об.]. Вскоре он стал и кавалером ордена Св. Станислава 3-й степени [ЦГА РСО-А. 6об.].

Успехи учителя обратили на него внимание начальства. Его вызвали во Владикавказ, и 1 ноября 1905 г. он был назначен младшим делопроизводителем войскового правления Терской области. 6 мая 1906 г. В.В. Кикотя произвели в чин губернского секретаря. Однако Владимир Васильевич, по-видимому, тяготился бумажной работой, его тянуло к своим ученикам,

привычным школьным будням народного учителя. Он просит направить его в родную станицу, где открылось второе станичное училище. Вскоре В.В. Кикоть был «согласно прошению переведен на должность заведующего Архонским 2-х классным станичным училищем с 1 апреля 1906 г.» [ЦГА РСО-А. 7 об.]. Здесь ему назначили годовой оклад жалованья 500 руб. в год «при готовой квартире». Приказом по Терскому казачьему войску от 10 июня 1907 г. за № 282 Владимир Васильевич был «награжден серебряным жетоном на состязательном испытании учеников» [ЦГА РСО-А. 7 об.].

Последний раз В.В. Кикоть упоминается в «Терском календаре на 1913 год» [Терский календарь 1913, 57]. По-видимому, в 1913 г. он вышел в отставку после более чем четвертьвекового служения на ниве народного образования. Пока не удалось установить, когда завершил свой земной путь этот незаурядный педагог и исследователь народной культуры. Ясно только, что он пережил вместе со своей семьей тяжелые испытания революциями и войнами, и по данным, любезно предоставленным в наше распоряжение Ф.С. Киреевым, в 1921 г. семья учителя числилась в списке жителей ст. Архонской в составе его самого в возрасте 55 лет, жены Марии, 45 лет, сына Михаила, 22 лет, дочери Раисы, 15 лет, и жены Михаила Александры, 19 лет. Известно также, что дочь В.В. Кикотя Наталья Владимировна вышла 31 января 1920 г. замуж за хорунжего Терского казачьего войска Петра Георгиевича Баскакова. Этот офицер происходил из станицы Ермоловской (Алхан-Юртовской), воевал в составе Вооруженных сил Юга России, был взят в плен красноармейцами и весной 1922 г. находился на особом учете в Горском областном военном комиссариате [Волков 2013, 70].

Сегодня терское казачество возрождается, пытается сохранить свои корни, народную память, духовную культуру, передать самобытные традиции новым поколениям. Поэтому остается надеяться, что фольклорно-этнографические труды одного из незаурядных подвижников казачьей старины будут востребованы современными исследователями исторического и духовного опыта русского старожильского населения Северного Кавказа, всеми, кто обеспечивает мир и стабильность народов региона на основе взаимопонимания и уважения.

Источники и материалы

АКАК 1881 — Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1881. Т. VIII.

Вайнахи и имперская власть 2011 — Вайнахи и имперская власть: проблемы Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

Зиссерман 1875 — *Зиссерман А. Л.* Поездка на Кубань // *Русский вестник*. 1875. Т. 120. Декабрь. С. 466–508.

ЛАА 2019 — Личный архив автора. Письмо Ф. С. Киреева автору от 15.03.2019.

Миллер 1894 — *Миллер Всев.* Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XV, XVI и XVII. Тифлис, 1893 // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1894. Ч. ССХСІ. Январь. С. 185–207.

Описание ст. Умахан-Юртовской 1893 — Описание ст. Умахан-Юртовской, Терской области Кизлярского отдела: (Составлено учителем Умахан-Юртовского станичного училища, Вл. Кикоть) // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1893. Вып. XVI. Отд. I. С. 68–84.

От Управления КУО 1881 — От Управления Кавказского учебного округа // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1881. Вып. 1. С. I–VIII.

Очерки истории Кубани 1996 — Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1996.

Песни ст. Архонской 1893 — Песни, поющиеся в станице Архонской, Владикавказского округа / Сообщил учитель Умахан-Юртовского станичного училища В. Кикоть // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1893. Вып. 14. Отд. I. С. 304–314.

Песни ст. Умахан-Юртовской 1893 — Песни, поющиеся в ст. Умахан-Юртовской, Грозненского округа / Сообщил учитель Умахан-Юртовского станичного училища В. Кикоть // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1893. Вып. 15. Отд. I. С. 315–335.

Программа собирания 1881 — Программа собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оныя // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1881. Вып. 1. С. VIII–XXIV.

Сказки ст. Умахан-Юртовской 1893 — Сказки, предрассудки, поговорки и загадки, записанные в станице Умахан-Юртовской / Сообщил учитель Умахан-Юртовского станичного училища В. Кикоть // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1893. Вып. 15. Отд. II. С. 179–192.

Терский календарь 1913 — Терский календарь на 1913 год / Под ред. С. П. Гортинского. Владикавказ, 1912.

Умахан-Юртовская станица 1889 — *Учитель Владимир Кикоть*. Умахан-Юртовская станица // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Тифлис, 1889. Вып. VIII. С. 90–91.

ЦГА РСО-А — Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 125. Оп. 1. Д. 238.

Исследования

Бондарь 1991 — *Бондарь Н. И.* К истории фольклорно-этнографических исследований на Кубани: (Дореволюционный период) // *Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода* / Отв. ред. С. С. Минц. Краснодар, 1991. С. 114–124.

Волков 2013 — *Волков С. В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2013.

Киреев 2016 — *Киреев Ф. С.* Из истории казачьих станиц Северной Осетии. Владикавказ: Терские ведомости, 2016.

Киреев 2018 — *Киреев Ф. С.* Украинские корни казаков Архонки. URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/10-istoriya-i-sovremennost/ukrainskie-korni-kazakov-arxonki/> (дата обращения: 20.03.2018).

Манузин 2007 — *Манузин Е. В.* Образование и воспитание Кубанского казачества в XIX — начале XX века. Славянск-на-Кубани: Изд-во Славянского-на-Кубани гос. пед. института, 2007.

© О. В. Матвеев, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Матвеев О. В. <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета: Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; тел.: +7 (861) 219-95-02; e-mail: vim12@rambler.ru

---

From the History of Studying the Traditional Culture of the Terek Cossacks: Vladimir Vasilyevich Kikot

Oleg V. Matveev

(Kuban State University: 149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation)

Summary. This article is devoted to the now forgotten local historian and collector Vladimir Vasilyevich Kikot, who gathered folklore and ethnographic material in the Tersk Region under a special program of the Caucasian Educational District. Kikot's recordings and his practice of studying the traditional culture of the Terek Cossacks are very much in demand today, since many aspects of the spiritual heritage of the Terek Cossacks have been lost due to social upheavals, ethnopolitical conflicts, and the dramatic decrease of the Russian population of the North Caucasus in the twentieth century. The materials Kikot collected and published in the "Collection of Materials for Describing the Localities and Tribes of the Caucasus" are largely amateur and descriptive in nature and the author does not consider the meaning of the phenomena of folk culture. He sometimes looks at them as "superstitions," "prejudices," "remnants," and "ignorance." The information he amassed, however, allows us to trace the development of the traditional culture of Russian oldtimers on the Terek River, to clarify the geography and distribution of its elements, and to assess its degree of involvement in the contact zone of the Russian-Caucasian cultural borderland.

Key words: traditional culture, collecting, folklore and ethnography, Terek Region, Cossacks, relations with Chechens.

Received: March 5, 2020.

Date of publication: September 25, 2021.

For citation: Matveev O. V. From the History of Studying the Traditional Culture of the Terek Cossacks: Vladimir Vasilyevich Kikot. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 149–160. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.3.012>

References

Bondar N. I. (1991) K istorii fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy na Kubani (Dorevol'yutsionnyi period) [Toward the History of Folklore and Ethnographic Research in the Kuban (Pre-Revolutionary Period)]. In: Problemy istoriografii i kul'turnogo naslediya narodov Kubani dorevol'yutsionnogo perioda [Problems of Historiography and Cultural Heritage of the Peoples of the Kuban During Pre-Revolutionary Period]. Ed. by S. S. Mints. Krasnodar. Pp. 114–124. In Russian.

Kireev F. S. (2016) Iz istorii kazach'ikh stanit Severnoi Osetii [From the History of the Cossack Villages of North Ossetia]. Vladikavkaz: Terskie vedomosti. In Russian.

Kireev F. S. (2018) Ukrainskie korni kazakov Arkhonki [The Ukrainian Roots of the Archon

Cossacks]. URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-ru-briki/10-istoriya-i-sovremennost/ukrainskie-korni-kazakov-arxonki/> (retrieved: 20.03.2018). In Russian.

Manuzin E. V. (2007) Obrazovanie i vospitanie Kubanskogo kazachestva v XIX — nachale XX veka [The Education and Upbringing of the Kuban Cossacks in the Nineteenth — Early Twentieth Century]. Slavyansk-on-Kuban: Izdatel'stvo Slavyanskogo-na-Kubani gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. In Russian.

Volkov S. V. (2013) Ofitsery kazach'ikh voisk. Opyt martirologa [Officers of the Cossack Troops. An Attempt by a Martyrologist]. Moscow: Russkii Fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. In Russian.

© O. V. Matveev, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Matveev <https://orcid.org/0000-0003-1630-1484>

E-mail: vim12@rambler.ru

Tel.: +7 (861) 219-95-02

149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation

DSc in History, Professor, Department of Russian History, Kuban State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)